

A.A. Zhurtova – ¹ Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History and Caucasian Studies. Kabardino-Balkarian State University. 173, Chernyshevsky street, Nalchik, 360004;

² Senior Researcher, Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», 360051, Nalchik, I. Armand street, 37a.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 25.08.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 93/94(470.67)

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-118-128

БАЛКАРЦЫ В «ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКОМ И СТАТИСТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ КАВКАЗСКОЙ ГУБЕРНИИ И СОСЕДСТВУЮЩИХ ЕЙ ГОРСКИХ ОБЛАСТЕЙ» А.М. БУЦКОВСКОГО (1812)

Елена Георгиевна Муратова ^{1,2}

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова; ² Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

Аннотация. Рассматриваются источниковедческие и историографические аспекты основного труда подполковника Андрея Мартыновича Буцковского «Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей».

В фокусе статьи – анализ небольшой части рукописи, содержащей описание нескольких подразделений балкарского народа – «Малкарцев» и «Чегемов». Установлено, что в работе А.М. Буцковского содержатся наиболее ранние систематизированные статистические и этнографические сведения о балкарцах, включенные в системное описание других социально-культурных единиц северокавказского региона и рассмотренные в единстве различных аспектов его жизнедеятельности (хозяйственных, социальных, политических, культурных). «Описание» А.М. Буцковского можно отнести к политико-этнологической модели концептуального представления культурно-исторической специфики региона.

Введение в научный оборот и всесторонний анализ фрагмента этого источника о балкарском народе имеет исследовательскую перспективу для дальнейшего сравнительно-исторического изучения северокавказских общностей в первой четверти XIX в., а также для выявления и характеристики факторов, определявших этнополитическую композицию региона.

Ключевые слова: А.М. Буцковский, военно-топографическое описание, Северный Кавказ; Кавказская губерния, балкарцы, чегемы, источниковедение

Для цитирования: Муратова Е.Г. Балкарцы в «Военно-топографическом и статистическом описании Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей» А.М. Буцковского (1812) // Научная мысль Кавказа. 2025. № 4. С. 118–128.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-118-128

BALKARS IN THE “MILITARY-TOPOGRAPHICAL AND STATISTICAL DESCRIPTION OF THE CAUCASIAN PROVINCE AND ADJACENT MOUNTAIN REGIONS” BY A.M. BUTSKOVSKY (1812)

Elena G. Muratova ^{1,2}

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov;

² Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia,

lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

Abstract. The article examines the source study and historiographic aspects of the main work of Lieutenant Colonel Andrei Martynovich Butskovsky, “Military-topographical and statistical description of the Caucasian province and neighboring mountain regions.” The manuscript on 108 sheets with XVII tables, dated approximately to 1812 according to its content, is kept in the Russian State Military Historical Archive (RGVIA).

The focus of the article is the analysis of a small part of the manuscript containing descriptions of the divisions of the Balkars – the “Malkars” and the “Chegems”. It has been established that A.M. Butskovsky’s work contains the earliest systematized statistical and ethnographic information about the Balkar people, included in the systemic description of other socio-cultural units of the North Caucasian region and considered in the unity of various aspects of its life (economic, social, political, cultural). The “Description” by A.M. Butskovsky can be attributed to the political-ethnological model of conceptual representation of the cultural and historical specificity of the region.

The introduction into scientific circulation and a comprehensive analysis of the fragment of this source about the Balkar people has a research perspective for further comparative historical study of North Caucasian communities in the first quarter of the 19th century, as well as to identify and characterize the factors that determined the ethnopolitical composition of the region.

Key words: A.M. Butskovsky; military topographic description, North Caucasus; Caucasian province, Balkars, Chegems, source studies

For citation: Muratova E.G. Balkars in the “Military-Topographical and Statistical Description of the Caucasian Province and Adjacent Mountain Regions” by A.M. Butskovsky (1812). *Naučnââ mysl’ Kavkaza*. 2025. No. 4. P. 18–128.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-118-128

Original article

В становлении научной традиции исторического кавказоведения специального внимания заслуживает труд Андрея Мартыновича Буцковского «Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей», по косвенным признакам датированный 1812 г. Это один из первых систематизированных трудов офицеров военного ведомства Российской империи, где дано довольно пространное описание балкарского народа, включенного в более широкий исторический контекст интерессоциального взаимодействия на Центральном Кавказе. Работа дает комплексное, цельное, хорошо структурированное представление обо всех социально-политических общностях региона и их взаимодействии с Российским

государством в начале XIX в. Неслучайно, она привлекает внимание кавказоведов уже более шести десятилетий.

Первым краткое описание труда А.М. Буцковского «Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей», сохранившееся в коллекции 414 Военно-ученого архива РГВИА, дал М.О. Косвен и опубликовал его в «Материалах по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» [1, с. 179], а также в археографическом примечании к сборнику документов по «Истории, географии и этнографии Дагестана в XVIII–XIX вв.» [2], где впервые были опубликованы выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей, относящиеся к Дагестану. Эти материалы со-

хранили свое источниковедческое значение до настоящего времени и широко используются в этнографическом дагестановедении [3; 4].

Извлечения из работы Буцковского, относящиеся к характеристике карачаевцев, абазин и закубанских черкесов, также были опубликованы в отдельном сборнике документов, посвященном социально-экономическому, политическому и культурному развитию народов Карачаево-Черкесии [5]. К этому следует лишь добавить, что первоначально указанный фрагмент труда Буцковского о карачаевцах, абазинах и закубанских черкесах публиковался в сборнике документов «Наш край», приуроченном к 200-летию г. Ставрополя, под названием «Этнографические описания народов Кавказа» без указания автора [6]. Большой вклад в археографическую разработку материалов этого фрагмента источника для освещения истории карачаевцев внесла В.П. Невская [7]. Уже во время подготовки данной статьи была опубликована работа А.В. Кушхабиева, представляющая этнографические сведения о кабардинцах в том числе и на материалах А.М. Буцковского [8]. Наряду с этим работа Буцковского является источниковой основой для решения отдельных дискуссионных вопросов. Так, к его сведениям за аргументацией обращался, например, А.В. Колесников «для определения подлинного старшинства Кубанского полка Кубанского войска в 1796 г.» [9, с. 1740].

Поскольку работа А.М. Буцковского носит междисциплинарный характер, к ней обращаются исследователи в области зоологии, гидрологии, географии, топографии, геологии, статистики и других естественнонаучных направлений, а также истории науки в целом. Имя Буцковского неизменно возникает в литературе, когда речь идет о топографической съемке местности и картографировании в начале XIX в. Им была составлена «первая примерно верная карта кавказского региона». Также «15-ти верстная подробная карта Грузии, с присоединенной к оной землями, отгравированная в 1819 г.» была основана на съемках и рекогносцировках, произведенных в 1810 г. под руководством полковника Буцковского. Его деятельность предвосхитила огромную работу, проведенную в первой половине XIX в. военными топографами и геодезистами на Кавказе и Закавказье, когда применительно к территории была уже разработана методика топографических работ, основанная на астрономически определенных точках [10, с. 114].

Как показывает историографический обзор, практически все конкретно-исторические

работы по истории народов Северного Кавказа конца XVIII–начала XIX вв. не обходят вниманием свидетельства А.М. Буцковского при рассмотрении отдельных вопросов, хотя специальный источниковедческий разбор документа, как правило, исследователями не предпринимается.

Большой вклад в описание и систематизацию обширного источниковедческого материала внесли Т.А. Колосовская и Д.С. Ткаченко. Продолжая лучшие традиции советских ученых, они подготовили и издали биобиблиографический словарь, посвященный военным кавказоведам Российской империи. На сегодняшний день он содержит наиболее полный очерк жизни, военной карьеры, исследовательских практик и творческого наследия Андрея Мартыновича Буцковского. Специальное внимание авторы уделили характеристике его главного труда [11, с. 50–52].

Вместе с тем следует отметить, что архивная рукопись А.М. Буцковского целиком нигде не публиковалась, как и небольшой раздел этого документа о «Малкарцах» и «Чегемах», что также подчеркивает актуальность обращения к исследованию данного источника и введения его в научный оборот.

Цель статьи – представить источниковедческий и историографический анализ главного труда Андрея Мартыновича Буцковского – «Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей». Основной фокус внимания сосредоточен на небольшой, но весьма важной части работы – описании всех подразделений балкарского народа, мало представленного в письменных источниках конца XVIII–начала XIX вв. Задачи статьи – ввести в научный оборот сведения А.М. Буцковского о балкарцах, подвергнуть эти данные специальному анализу и дать оценку информативным возможностям источника.

С методологической точки зрения для решения поставленных задач важно указать на значимость отдельных положений, сформулированных в работах А.Х. Борова. По его мнению, центральной проблемой исторического кавказоведения на всем протяжении его развития была «проблема культурно-исторической специфики» Северного Кавказа [12, с. 13]. Концептуальный анализ общих элементов познавательной структуры различных моделей ее представления позволил ему прийти к заключению, что «с конца XVIII и до конца XX вв. сменяют друг друга и сосуществуют просветительно-географическая, политико-этнологическая и социоистори-

ческая модели концептуального представления культурно-исторической специфики региона» [12, с. 15]. Труд А.М. Буцковского в полной мере можно отнести ко второй, «политико-этнологической» концептуальной модели, которая характеризуется тем, что в условиях Кавказской войны «открывала Другого» как для российской науки, так и для решения практических военных задач. В рамках этой модели научный поиск был направлен на фиксацию этнографических особенностей народов Кавказа, изучение у них институтов власти и управления, выяснение причин их «социокультурной инаковости» для достижения в первую очередь военно-политических целей. А.М. Буцковский, как русский офицер и топограф, должен был обеспечить высшее командование и военную администрацию на местах точными и определенным образом систематизированными данными о горских территориях, сопредельных Кавказской линии.

В контексте поставленных задач существенное методологическое значение имеют также источниковедческий и библиографический анализ, которые широко применяются в современном кавказоведении [11; 13]. Такой подход требует: представления о функционировании источника в культуре через историю изучения его текста, публикаций и воспроизведений; освещения исторических условий возникновения источника, вне которых он не может быть понят и интерпретирован; решения проблемы авторства источника, включая установление биографии его создателя; выяснения обстоятельств создания источника, которые могли влиять на полноту и достоверность приведенных сведений; интерпретации источника и анализ его содержания. Завершающий этап изучения подразумевает аргументированную оценку значения источника для научно-практического использования, в том числе для изучения отдельных вопросов [14]. Основываясь на этой методике, рассмотрим интересующий нас документ.

Архивное дело представляет собой рукопись с оглавлением на 108 листах с XVII таблицами. Она выполнена некрупным писарским подчерком, местами плохо читается, датируется приблизительно 1812 г. по ее содержанию, хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) [15]. Копия части этой рукописи, начиная с листа 50 до конца, без таблиц, без указания автора, без заглавия и даты также хранится в коллекции Военно-ученого архива РГВИА [16].

Прежде всего необходимо сказать об авторе этого военно-топографического и статистического описания – Андрее Мартыновиче Буцковском. Основные этапы военной карьеры реконструируются по формулярному списку А.М. Буцковского [17]. Андрей Мартынович Буцковский родился в 1781 г., родом из дворян Санкт-Петербургской губернии. Военную службу начал с 1789 г. (предположительно, был записан на службу еще ребенком. – *Е.М.*). Согласно формулярному списку, в 1801 г. он был определен в Свиту его величества по квартирмейстерской части, в 1809 г. дослужился до подполковника, вышел в отставку примерно в 1815 г. по болезни. Еще с Петровских времен (Воинским уставом 1716 г.) обязанности квартирмейстерских чинов составляли: контроль за движением и расположением войск, изучение местности предстоящих военных действий, съемки и черчение военных карт, планов, ведение военно-исторических журналов.

«В 1803 г. А.М. Буцковский был командирован в Кавказскую инспекцию для съемок грузинских земель. На основе собранных тогда материалов в 1819 г. была разработана подробная 15-верстная карта Грузии с прилегающими к ней территориями... В 1806 г. А.М. Буцковский вернулся в Петербург, где с 1808 г. по 1809 г. состоял при Морском министерстве» [11, с. 51]. По данным историка Генштаба генерала Глиноецкого, подполковник Буцковский в 1810 г. был командирован на Кавказ с поручением составить «военно-топографическое описание Кавказской губернии и линии» [18, с. 186]. Он был хорошо подготовлен к предстоящей работе в квартирмейстерском ведомстве, в то время находившимся под непосредственным управлением П.К. Сухтелена, который заботился о том, чтобы там состояли люди, действительно выдающиеся по своему образованию и способностям. Перед ними открывалось обширное поприще для проявления этих способностей. Офицеры квартирмейстерской части в первые годы XIX в. получали частые и весьма важные поручения. Тогда Кавказ, Киргизские степи, Сибирь становились местом для приложения их трудов и талантов [18, с. 209]. В виде дополнения к своим прямым обязанностям они могли принимать участие в составлении всякого рода исторических и географических работ, и работы эти не составляли постоянного предмета их занятий. Однако, как видно из труда Буцковского, подобные исследования выполнялись весьма профессионально и с большим энтузиазмом.

В рапорте о выполнении возложенного на него поручения А.М. Буцковский докладывал, что он за более чем два года пребывания в регионе неоднократно посещал поселения горских народов и приложил все усилия, чтобы досконально изучить их быт и общественное устройство [19, с. 854]. Составленное им описание Кавказской губернии – это тщательно подготовленная и хорошо структурированная работа. Она включает географическую характеристику Кавказской губернии и прилегающей к ней территорий горских народов, описание климата и его медицинскую характеристику. Подробно представлена гидрографическая сеть Кавказского региона. Автор внимательно описал почвы, леса и главные лесообразующие породы, охарактеризовал все пути сообщения в регионе. Специальный раздел работы отводится городам Кавказской губернии и описанию составляющих ее уездов. Далее в рукописи представлена характеристика размещенных в пределах Кавказской губернии казачьих войск и полков.

«Значительное место в рукописи отводится описанию местных народов, живущих как в Кавказской губернии (ногайцы, караногайцы, калмыки, туркмены), так и за ее пределами (кумыки, чеченцы, карабулаки, ингуши, кисты, осетины, кабардинцы, балкарцы, чегемы, карачаевцы, абазинские и черкесские племена, закубанские ногайцы). Автор дает характеристику их хозяйственной деятельности, социальным отношениям, взаимоотношениям местных народов между собой и их степени лояльности к российской администрации. Особое внимание уделяется представлению религиозных убеждений местных жителей, в том числе роли ислама в их повседневной жизни» [11, с. 51]. Для кавказоведов это наиболее интересная и информативная часть работы, особенно в части фиксации исторических сведений о том или ином народе.

В заключении А.М. Буцковский дает «Краткое обозрение общекавказским народам принадлежащих свойств» и представляет свое видение мер по укреплению российского влияния в этом стратегически важном регионе [15, л. 85–90]. В 17 таблицах приложения содержатся статистические сведения о городах и населенных пунктах тогдашней Кавказской губернии с показанием числа дворов и душ, данные о скотоводстве, посевах, урожае и шелководстве. Статистические сведения о горских народах ограничиваются лишь указаниями на их подразделения (колена) и количество дворов [15, л. 92–109].

Таким образом, работа А.М. Буцковского представляет собой комплексное и системное описание Кавказской губернии и сопредельных ей территорий, выполненное на основе географического, статистического и этнографического подходов. Она характеризуется энциклопедическим охватом тем, от исследования природной среды до социально-экономической и военно-политических сфер. При этом автор применил единую, последовательную схему описания различных народов, что превращает его труд из простого сборника сведений о кавказских горцах (многие из которых тогда впервые стали объектом изучения) в стройную научную систему, позволяющую проводить сравнительный анализ.

Специальный интерес для нас представляют сведения о всех подразделениях балкарского народа, содержащиеся в этом труде и до этого нигде не опубликованные.

В оглавлении к работе Буцковского, обозначенном как «Содержание статей» и помещенном в конце работы, после статьи «Кабарда», следуют отдельные статьи «Балкарцы», «Чегемы» и «Карачаевцы». Однако в самом тексте описания после очерка «Кабарда» имеется еще подзаголовок – «Кабардинцам подвластные», и далее следует физико-географическая характеристика мест их жительства: «Малкары или Балкары живут на высоком кряже шиферных и гранитовых гор по ущелью реки Черек, все в куче на расстоянии пяти верст. Две только деревни Бызылге и Холам сидят в ущелье Данника Черек, Черек Хахуа» [15, л. 76об.]. Таким образом, по данным Буцковского, географическая локализация балкарцев – это высокогорные котловины, спрятанные в труднодоступных ущельях Центрального Кавказа. Суровые условия высокогорья в значительной степени сформировали уклад жизни балкарцев, определив организацию их общества, хозяйственную деятельность и культуру, что в конечном счете предопределило основной вектор их социокультурного развития. В труде обозначены четыре подразделения балкарского народа: балкарцы (малкарцы), безенгиевцы, хуламцы и чегемцы. При этом безенгиевцы и хуламцы только упоминаются и подпадают под общее описание «Балкарцы». Урусбиевцы (жители Баксанского ущелья), пятое подразделение балкарского народа, в этой части рукописи не отмечены, вероятно, они учтены автором при характеристике карачаевцев в следующем разделе.

Далее Буцковский решает вопрос об этногенезе балкаро-карачаевцев: «Как Балкарцы, так и Чегемы и Карачаевцы суть татары ногайского

происхождения, что доказывается их наречием. Время поселения их на нынешние места в точности не известно, но есть повод полагать оное более 250 лет тому назад» [15, л. 77]. Таким образом на основе доступных ему источников, Буцковский относит завершающую фазу балкарского этногенеза, неотделимую от одновременных процессов социогенеза и политогенеза в пространстве исторической Балкарии, ко времени не позднее XVI в., что соответствует современным представлениям о формировании балкарских обществ в этот период. Этническую принадлежность балкарцев он определяет, основываясь на языковом критерии («татары ногайского происхождения»). Эта характерная для своей эпохи классификация отражает попытку осмыслить тюркоязычность всех подразделений балкарского народа в рамках существовавших тогда научных парадигм.

Согласно Буцковскому, сложившаяся веками традиционная социо-политическая система взаимоотношений на Центральном Кавказе выглядит следующим образом. «Собственных владельцев Балкарцы не имеют, а дворян, Базиянами именуемых; находясь все в зависимости Большой Кабарды князей, рода Бек Мурзы и Кайтокова, коим положенную платят дань, с каждого двора по одному барану в год» [15, л. 77]. Автор фиксирует внутреннее социально-политическое устройство горского общества, отмечая его иерархический характер и наличие привилегированного сословия, демонстрируя при этом знание этнонима «басиане», под которым балкарцы известны в средневековых грузинских источниках. Наиболее подробно Буцковский останавливается на описании политической и экономической зависимости балкарцев и чегемцев от князей Большой Кабарды. Он не просто фиксирует факт дани («по одному барану в год»), но и дает свое объяснение этой зависимости: «Будучи расположены в ущельях, выходы коих кабардинцами заняты, заставляет их необходимость покориться сим последним, для зимних в понизовьях пастбищ имея единственное пропитание от овечьих стад, кои в зимнее время, в занимаемых ими горах не находят корма. Сею нуждою Балкарцов и Чегемцев и местным положением пользуются кабардинцы, содержа оных в таком порабощении, что не позволяют им даже посещать для торговых оборотов Российские границы, ниже какого-либо сношения с прочими горцами на северном скате Кавказа» [15, л. 77]. Буцковский точно определяет причины «порабощения», которые впоследствии многократно

будут повторены в историко-географических и статистико-экономических описаниях других авторов, а также в делопроизводственной документации кавказской администрации. Корень этой зависимости – контроль кабардинских князей над выходами из ущелий, которые были жизненно необходимы балкарцам для зимнего выпаса скота на равнинных пастбищах, поскольку отгонное овцеводство являлось основой их экономики. Этими же природно-географическими и социально-политическими факторами Буцковский объясняет весь строй хозяйственной жизни, направление торговых связей и этнопсихологию балкарского населения: «Будучи таким образом в горах заключены, не имеют они случая промыслять разбоем, да и не наклонны к тому, занимаясь более домашними шерстяными изделиями и звериною охотою кунит и лисиц, коих возят на продажу в Имеретинскую провинцию Рачь, отстоящую от них в двух днях езды на ишаках; в замен чего покупают соль и прочее им нужное» [15, л. 77]. Для балкарцев экономические связи с Грузией были также важны, как и выход на кабардинскую равнину. Это указывает на историческую экономическую ось «север-юг» через Кавказский хребет, которая сформировалась в результате многовековых контактов.

Весьма определенно Буцковский высказывается о желании балкарцев освободиться от обременяющей их зависимости: «Оба упомянутые колена с отвращением несут иго кабардинцев, почему сии последние и запрещают им всякое с прочими горцами сношение» [15, л. 77]. Почти дословно эта мысль повторяется у Семена Броневского: «Малкары подведомственны роду Джембулата; чегемы – родам Мисоста и Атажуки. Карачаевцы подлежат тому из кабардинских владельцев, который всех старше летами. Все три колена...несут кабардинское иго с отвращением, но в рассуждении недостатка пастбищных мест, коими пользуются в кабардинских землях, принуждены покорствоваться» [20, с. 218].

В достаточно строгое и последовательное описание балкарского народа подполковник А.М. Буцковский включил рассказ о своей попытке тайно побеседовать с балкарцем и его внезапном «отзыве» кабардинцами. Этот фрагмент явно диссонирует с общим изложением, и вместе с тем является яркой иллюстрацией реального механизма контроля и изоляции со стороны кабардинских князей, иллюстрацией, которая оживляет сухое описание официального документа. Развивая и подтверждая свою мысль личными наблюдениями о характере вза-

имоотношений между горцами и кабардинскими князьями, А.М. Буцковский пишет: «Находясь в Большой Кабарде случилось мне встретить балкарца, коего и старался заполучить тайно в балаган мой, но едва стал я вступать с ним в беседу, как балкарец сей бывши внимательно наблюдаем, под видом надобности к князю отозван был, после чего и вовсе из виду моего потерялся» [15, л. 77 об.]. Подобного рода замечания по тексту свидетельствуют о личном участии автора в сборе материала для своего описания и перепроверке получаемой информации из разных источников. Вероятно, Буцковский, как подготовленный офицер Генштаба, был осведомлен о неоднократных обращениях балкарцев в 1780-х – 1790-х гг. к командованию на Кавказской линии с просьбой о покровительстве и защите от давления кабардинцев. Эти обращения остались тогда без каких-либо последствий.

Далее Буцковский, согласно плану своего описания, дает оценку военному потенциалу балкарского народа на начало XIX в.: «Балкарцы лишились хоть не малого числа людей моровою язвою, и ныне более 3-х тысяч вооруженных поставить могут, но не имея случая упражняться в военном ремесле худые воины» [15, л. 77 об.]. В этом фрагменте текста не только фиксируется факт распространения эпидемии чумы на Центральном Кавказе в начале XIX в., но и чувствуется определенная субъективная недооценка военных возможностей балкарских обществ, вероятно, ввиду их малочисленности. Между тем состояние боеготовности вооруженных отрядов из молодых мужчин поддерживалось постоянными военными упражнениями, такими как скачки, стрельба в цель, снаряжением отрядов молодцов-сотоварищей за добычей к соседним народам, постоянным содержанием караулов на горных перевалах и у входа в ущелье. Потестарно-политическая организация традиционного балкарского общества позволяла в случае необходимости выставить практически все мужское взрослое население в качестве воинов. А суровые условия жизни, бесконечные вооруженные конфликты и споры с соседями заставляли всегда быть начеку и встречать врага с оружием в руках. Ввиду отсутствия точных статистических данных, сообщение о «3-х тысячах вооруженных» могут служить для демографов дополнительным источником сведений о численности балкарцев в начале XIX в.

Еще одно подразделение балкарского народа – «Чегемы» – в труде Буцковского характеризуются следующим образом. «Чегемы, сброд

разных колен, относительно большей частью татар, по наречию сходствующему с Балкарским, подвластны кабардинским князьям рода Атажука и Мисоста. Чегемы исповедовали прежде христианский закон, что доказывается сосуществующею в занимаемом ими ущелье церковью находятся церковные книги и, как сказывают, много примечаний достойного, но кабардинцы по каким-то причинам не позволяют посещения оной, запирая даже железными запорами ведущий к ней темный ход, истребление же оной и находящихся в ней книг, по не темному предрассудку опасаются. В занимаемых ими горах находится свинцовая руда, из коей добывая свинец делают пули. Они же умеют приготавливать селитру и имея серную золу, делают для продажи порох. Всеми сими избытками наделяют они кабардинцев, а более в Имеретии промышляют. Прочие их положения и свойства одинаки (так в источнике – Е.М.) с балкарцами. Чегемы много потеряли от язвы, но за сим тем могут вооружить до 600 человек худых воинов» [15, л. 77 об.].

Таким образом, даже в столь кратком, но емком описании Чегемского общества охвачено, по меньшей мере, несколько важных аспектов его жизнедеятельности. *Во-первых*, отмечается культурно-языковая общность с другими подразделениями балкарского народа, формируется представление об основных этапах этногенеза: «сброд разных колен» «по наречию сходствующему с балкарским». *Во-вторых*, показана роль религиозного фактора для анализа этнополитической и социокультурной ситуации на Центральном Кавказе. А.М. Буцковский подтверждает значительное количество христианских древностей в Чегемском ущелье, сведения о которых поступали к кавказской администрации уже с 30-х годов XVIII в., и определенные изменения религиозной ситуации в связи с распространением ислама в регионе. *В-третьих*, дается достаточно высокая для своего времени оценка военного потенциала чегемцев, которые добывали свинец, отливали из него пули, изготавливали порох, снабжали всем этим кабардинцев, и даже несмотря на свирепствовавшую в начале XIX в. чуму могли собрать 600 воинов с 370 дворов.

Фрагмент о карачаевцах из труда Буцковского, как указывалось выше, уже публиковался в сборниках документов, однако не до конца, с отточием и пометкой: «опущены несущественные детали» [5, с. 34]. Нам же, напротив, неопубликованное окончание этого раздела представляется весьма важным.

Упрочение российского влияния на Центральном Кавказе, включая претензии на посредническую роль в местных конфликтах и контроль над традиционными правоотношениями, в том числе «данническими», было невозможным без прямого военного присутствия вблизи горских обществ. Именно это присутствие обеспечивало рост их пророссийской ориентации. При этом большое внимание уделялось, как видно из работы Буцковского, детальному изучению всех аспектов жизнедеятельности балкарского народа, в том числе религии. В начале XIX в. распространение шариатского движения в Кабарде придало исламу мощную интегративную функцию, способствуя консолидации народов региона. Данная тенденция не только укрепляла позиции религии, но и целенаправленно вела к исламизации зависимых от Кабарды народов, в первую очередь – владельческих сословий, что в дальнейшем определяло их политический выбор. По сведениям подполковника Буцковского, «...три кабардинцам подвластные общества (имеются в виду – балкарцы, чегемцы и карачаевцы. – *Е.М.*), недавно обращены в магометанский закон, который ныне все исповедуют, по строгому может быть настоянию их властителей, не имея однако ж ни мечетей, ни знатных духовных, а отправляя только положенные молитвы» [15, л. 78 об.]. Автор отмечает наличие у чегемцев древней христианской традиции, о чём свидетельствуют старая церковь и богослужебные книги в их ущелье, а также подчеркивает неукорененность ислама в горских общества к началу XIX в., невысокий социальный статус духовных лиц и отсутствие мечетей. Все это в совокупности впоследствии давало основания православной духовной миссии на Центральном Кавказе рассчитывать на успех в деле христианизации балкарского населения. Впрочем, все эти попытки окончились неудачей.

Что же касается характеристики этнополитической ситуации на Центральном Кавказе, то Буцковский, как и другие авторы, отдает главенство кабардинцам и утверждает, что «балкарцы, чегемцы и карачаевцы признают их господство, так же и абазинцы некоторым образом; с осетинцами только кроме дигорцев в крайнем несогласии, не позволяют им выходить из гор на понизовья; с ингушами, как уже сказано еще в худших сношениях, но сии оспаривают у кабардинцев право сильного» [15, л. 75]. В качестве основного фактора, обусловившего эту зависимость, Буцковский указывает – экономический. Поскольку для всех местных обществ, запертых

в горных ущельях, потребность в использовании зимних пастбищ и в коммуникациях с внешним миром осуществлялось через территорию Кабарды, при этом универсальным регулятором взаимных отношений для них выступало право сильного.

Для завершения характеристики интересующего нас объекта исследования определенное значение имеют статистические таблицы, помещенные в приложении труда А.М. Буцковского. Сведения о подразделениях балкарского народа представлены в последней, семнадцатой таблице и в очень обобщенном виде в сравнении с другими «коленами и селениями». Данные включают лишь общее количество дворов: «кабардинцев примерно 2000, кабардинцам подвластных, балкарцев – 1700, чегемов – 370, карачаевцев – 600» [15, л. 108]. Достаточно близкие к этим цифрам сведения о численности балкарцев имеются у Клапрота за 1807–1708 гг.: 1200 дворов в Черекском ущелье (балкарцы, безенгиевцы, хуламцы) и 400 дворов чегемцев [21, с. 254–257]. С. Броневский в своей работе начала 1820-х гг. называет 1236 дворов балкарцев (включая безенгиевцев и хуламцев) и 368 дворов чегемцев [20, с. 213–216].

В целом в отечественной историографии роль А.М. Буцковского в изучении Кавказа и населяющих его народов оценивается достаточно высоко. Отложившиеся в архиве Главного штаба оперативные данные, собранные на месте офицерами квартирмейстерской части и Генерального штаба, в том числе подполковником Буцковским, были впоследствии востребованы, послужили источником дальнейших изысканий и позволили в первой половине XIX в. представить исторические обзоры всех кавказских народов, проживавших здесь с древности, начать изучение их общественного строя, обычного права, хозяйственных занятий и духовной культуры. Было создано множество военно-топографических и статистическо-экономических трудов, которые мы относим к политико-этнологической модели концептуального представления культурно-исторической специфики региона.

В результате осуществленного источниковедческого анализа установлено, что содержащиеся в его труде ранние статистические и этнографические сведения о балкарском народе, вкуче с системным описанием других социально-культурных единиц Северо-Кавказского региона, и рассмотренные в единстве различных аспектов его жизнедеятельности дают представ-

ление о месте и роли Балкарии в социально-политическом пространстве региона.

Они дополняют уже известные аспекты истории и этнографии баларского народа накануне его окончательной инкорпорации в состав Российского государства в 1827 г.

Через имперский дискурс со всей очевидностью проявляется стратегический интерес России к анализу динамики власти, лояльности и распределения ресурсов среди северокавказских народов.

Введение в научный оборот и всесторонний анализ фрагмента этого источника о балкарском народе имеет исследовательскую перспективу для дальнейшего сравнительно-исторического изучения северокавказских общностей в первой четверти XIX в., а также для выявления и характеристики факторов, определявших этнополитическую композицию региона.

В целом же назрел вопрос о полном, а не фрагментарном, научном издании и комментировании работы А.М. Буцковского – одного из важных военно-топографических описаний начала XIX в.

Список источников

1. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Вып. 2. М.: Восточная литература, 1958. С.139–274.
2. История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Восточная литература, 1958. 367 с. С. 245–246.
3. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1959. 116 с.
4. Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. А.М. Буцковский о Засулакской Кумыкии // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 152–158.
5. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917 гг.). Сб. документов. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1985. 228 с. С. 34–38.
6. Наш край (Документы, материалы, 1777–1917 гг.). Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1977. 424 с. С. 32–35.
7. Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке: (дореформенный период). Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1960. 159 с.
8. Кушхабиев А.В. Этнографические сведения о кабардинцах в российских источниках последней трети XVIII – первой четверти XIX века //

Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 2. С. 83–101.

9. Колесников А.В. О старшинстве Кубанского полка Кубанского казачьего войска // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 6. С. 1735–1744.
10. Литвин А. Как двинуть вперед географию. Николай I и картографирование Кавказа // Родина. 2023. № 3. С. 113–116.
11. Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи биобиблиографический словарь. Ставрополь: изд-во «Дизайн-студияБ», 2021. 334 с.
12. Боров А.Х. Проблема культурно-исторического синтеза в кавказоведении // Электронный журнал «Кавказология». 2017. № 3. С. 12–40.
13. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века: 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.
14. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский и др. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.414. Оп.1. Д. 300.
16. РГВИА. Ф. 482. Оп.1. Д. 193. Л.1–16.
17. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7046. Ч.1. Л.70–71.
18. Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба: в 2 т. Т. 1: 1698–1825. СПб., 1883. 427 с. С. 209.
19. Рапорт квартирмейстерской части подполк. Буцковского управляющему квартирмейстерской частью ген.-адъют. кн. Волконскому, от 1 августа 1812 года, № 51 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. V. Тифлис, 1873. С. 854–855.
20. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечения по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 223 с.
21. Кланрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 235–280.

References

1. Kosven M.O. Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science. In: *Caucasian ethnographic collection*. Issue 2. Moscow, Eastern literature, 1958. P. 139–274. (In Russ.).
2. *History, Geography and Ethnography of Dagestan in the 18th-19th Centuries. Archival Materials*. Ed. by M. O. Kosven and H.-M. Khashaev. Moscow, Eastern literature, 1958. 367 p. P. 245–246. (In Russ.).

3. Hashaev H.-M. *Occupations of the population of Dagestan in the 19th century*. Mahachkala: Dagestan Branch of the AS SSSR, 1959. 116 p. (In Russ.).
4. Aliev B.G., Murtazaev A.O. A.M. Butskovsky about Zaslulak Kumykia. *Voprosy istorii*. 2017. No. 2. P. 152–158. (In Russ.).
5. Socio-economic, political and cultural development of the peoples of Karachay-Cherkessia (1790–1917). In: *Collection of documents*. Rostov-on-Don, Rostov University Publishing House, 1985. 228 p. P. 34–38. (In Russ.).
6. *Our region (Documents, materials, 1777–1917)*. Stavropol, Stavropol Book Publishing House, 1977. 424 p. P. 32–35. (In Russ.).
7. Nevskaya V.P. *Socio-economic development of Karachay in the 19th century: (pre-reform period)*. Cherkessk, Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1960. 159 p. (In Russ.).
8. Kushkhabiev A.V. Ethnographic information about Kabardians in Russian sources of the last third of the 18th – first quarter of the 19th century. *Electronic Journal «Caucasology»*. 2025. No. 2. P. 83–101. (In Russ.).
9. Kolesnikov A.V. On the seniority of the Kuban regiment of the Kuban Cossack army. *Tambov University Bulletin. Series: Humanities*. 2024. Vol. 29. No. 6. P. 1735–1744. (In Russ.).
10. Litvin A. How to Move Geography Forward. Nicholas I and the Mapping of the Caucasus. *Rodina*. 2023. No. 3. P. 113–116. (In Russ.).
11. Kolosovskaya T.A., Tkachenko D. S. *Military Caucasian scholars of the Russian Empire: bio-bibliographical dictionary*. Stavropol, Publishing house «Design StudioB», 2021. 334 p. (In Russ.).
12. Borov A. H. The problem of cultural-historical synthesis in Caucasian studies. *Electronic Journal «Caucasology»*. 2017. No. 3. P. 12–40. (In Russ.).
13. Kolesnikova M.E. *North Caucasian historiographic tradition: second half of the 18th – beginning of the 20th century*: 2nd ed., suppl. Stavropol, SSU Publishing House, 2011. 496 p. (In Russ.).
14. Danilevsky I.N. and all. *Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history*. Moscow, RGGU, 1998. 702 p. (In Russ.).
15. *Russian State Military Historical Archive*. F. 414. Inv.1. Case 300. (In Russ.).
16. *Russian State Military Historical Archive*. F. 482. Inv.1. Case 193. Sh. 1–16. (In Russ.).
17. *Russian State Military Historical Archive*. F. 489. Inv.1. Case 7046. Part 1. Sh. 70–71. (In Russ.).
18. Glinetsky N.P. *History of the Russian General Staff*. In 2 vol. Saint Petersburg, 1883. Vol. I. 427 p. (In Russ.).
19. Report of the quartermaster unit of Lieutenant Colonel Butskovsky to the manager of the quartermaster unit, Adjutant General Prince Volkonsky, dated August 1, 1812, No. 51. In: *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. V. Tiflis, 1873. P. 854 – 855. (In Russ.).
20. Bronevsky S. *The latest geographical and historical news about the Caucasus. Extracts on the Central and North-Western Caucasus*. Nalchik, El-Fa, 1999. 223 p. (In Russ.).
21. Klaprot G.Yu. Travel across the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808. *Adyghe, Balkars, Karachays in the reports of European authors of the 13th-19th centuries*. Comp. by V.K. Gardanov. Nalchik, Elbrus, 1974. P. 235–280. (In Russ.).

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

Информация об авторе

Е.Г. Муратова – ¹доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и кавказоведения. Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. 360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173;

²старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения. Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». 360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Information about the author

E.G. Muratova – ¹D.Sc. in History, Professor, Professor of the Department of Russian History and Caucasian Studies at the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, st. Chernyshevsky, 173;

²senior Researcher of the Sector of Medieval and Modern History. Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», 360000, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, st. Pushkin, 18.

Научная статья

УДК 392.51(470.61)

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-128-136

ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА ДОНСКИХ КАЗАКОВ СЕМИКАРАКОРСКОГО РАЙОНА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ЭКСПЕДИЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Татьяна Евгеньевна Гревцова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Россия,

tanyar_2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7512-9528>

Аннотация. Выявляются особенности свадебного обряда донских казаков Семикаракорского района Ростовской области на материалах экспедиций 1970–2020-х гг. Показана динамика семикаракорской свадебной традиции, определено ее место на фоне различных региональных типов донского казачьего обряда.

Делается вывод о том, что свадьба казаков Семикаракорского района относится к нижнедонскому типу обряда, но при этом имеет ряд общих с ритуалами соседних территорий черт, которые не встречаются больше нигде на Дону. Несмотря на значительную редукцию обряда в советское время, многие значимые эпизоды и свадебные песни сохраняются в памяти старожилов района и сегодня.

Ключевые слова: донские казаки, традиционная культура, свадебный обряд, Нижний Дон, Ростовская область, Семикаракорский район

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № государственной регистрации 125011200150-2 при финансовой поддержке Южного федерального университета.

Для цитирования: Гревцова Т.Е. Особенности свадебного обряда донских казаков Семикаракорского района Ростовской области (по экспедиционным материалам) // Научная мысль Кавказа. 2025. № 4. С. 128–136.

doi:10.18522/2072-0181-2025-124-128-136

FEATURES OF THE WEDDING RITUAL OF THE DON COSSACKS OF THE SEMIKARAKORSKY DISTRICT OF ROSTOV REGION (BASED ON EXPEDITION MATERIALS)

Tatyana E. Grevtsova

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia,

tanyar_2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7512-9528>

Abstract. The article reveals features of the wedding ritual of the Don Cossacks of the Semikarakorsky District of the Rostov Region, based on expeditions conducted between the 1970s and 2020s. The author estimates the dynamics of the Semikarakorsky wedding tradition and its place within the context of various regional types of Don Cossack rites.

It is concluded that the wedding of the Cossacks of the Semikarakorsky District belongs to the Lower Don type of rite, but shares a number of features with the rituals of neighboring territories that are not found anywhere else in the Don region. Despite the significant reduction of the rite during Soviet times, many significant episodes and wedding songs are preserved in the memory of the district's elders today.

© Гревцова Т.Е., 2025